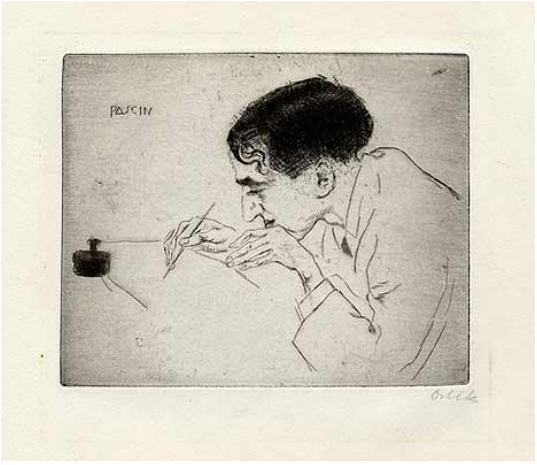
Автор: Ольга Карасева

Парижская жизнь обильна поэтическими и чудесными мотивами. Чудеса окутывают и питают нас, как воздух; но мы их не видим.

Шарль Бодлер



Жюль Паскин, 31 марта 1885 – 2 июня 1930

Площадь Оперы, прогулки в Люксембургском саду, набережные Сены, ипподром и скачки, пейзажи Булонского леса, омытые дождем бульвары и общая живописность парижской жизни – все это прошло мимо. Вместо этого Паскин создал особый мирок с богемными приятелями, разнузданными сценками и острым интересом к обыденной жизни борделя.

С каким зрелым артистизмом, растраченным на буффонаду и гротескное изображение жизни, часто нарочито суетной и вульгарной, написаны залы публичных домов и их "*труженицы*".

Вместе с тем, критики говорили о его картинах как о "*рисунках, возведенных в живопись* ". В Париже он – признанный портретист. Для торговцев картин и издателей – успешный художник. Матисс, Пикассо и Диего Ривера – уважающие его талант друзья. Хемингуэй со свойственным ему лаконизмом писал: "Паскин был очень хороший художник, и он был пьян – целеустремленно и привычно пьян, но при этом сохранял полную ясность мысли". Позже, в день похорон этого "Князя Монпарнаса", как его прозвали, закрылись все парижские галереи, а за гробом шли знаменитые художники, писатели, натурщицы, официанты и бармены его любимых кафе.

Теперь же о нем говорится вполголоса, подробно задерживаясь на более знаковых фигурах *Ecole de Paris* [1]. На сегодняшний день Паскин воспринимается как художник скорее камерного толка, так же, как и его рисунки, набросанные где придется.

Мало кто рисовал так много и всюду, как этот парижский бонвиван.

Несмотря на постоянные вечеринки и запои, он оставил тысячи рисунков и акварелей. Создавал этюды, быстро и точно набросанные за рюмкой коньяка с содовой. Рисовал на салфетках, вместо цвета используя серу от спичек и кофейную гущу.

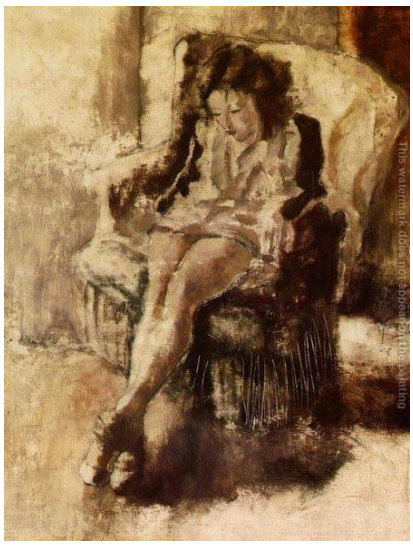
Особая тема – его карандаш, с изображением объема не тоном, но одним только артистичным контуром. "Ох, какие же идиоты те, кто не понимает, что весь мой

живописный талант в рисунках, а не в картинах" – говорил Паскин.

Его эмоциональная, смятая и скрученная линия ломает многолетнюю традицию торжественности классического абриса. Вместо этого – нервный блеск, спонтанность и экспрессивность. Но хаотичность рисунка кажущаяся. Линия эмоциональная, но без всякой приблизительности, с визуальной точностью, совершенно неожиданной по впечатлению острой портретности.

Паскина нисколько не увлекало штудирование пейзажей и натюрмортов. Иллюстрируя Библию на заказ, он сказал: "Зачем? Я не знаком с царицей Савской..."

Сюжеты этого гуляки – карикатуры в журналы и в то же время серьезные портреты, многочисленные рисунки, сделанные во время трудного романа с художницей Эрминой Давид. И еще более многочисленные зарисовки дам легкого нрава и печального вида в серо-розовых тонах.

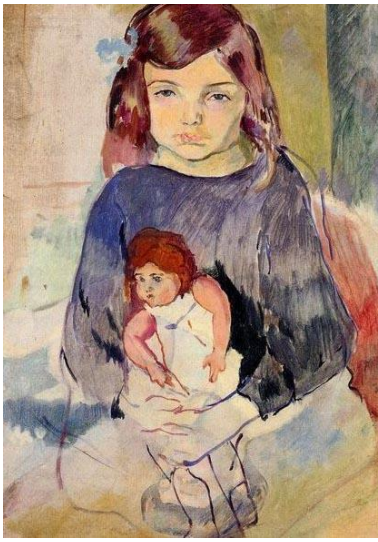


Его рисунки нельзя назвать высокой эротикой. Но наклеивать дешевые ярлыки не хочется. Никакой вульгарности в рисунках нет. А скорее, по словам М. Германа, искусствоведа и писателя, "*гипертрофированная болезненная эмоциональность*".

Жюль Паскин стоит будто особняком от каких-либо направлений. Кто-то причисляет его

к экспрессионистам. Но доброжелательная ироничность рисунков Паскина не похожа на болезненный экспрессионизм с нарочитым выражением хаоса жизни.

В то же время (он – сын сербо-испанских еврейских родителей) в его рисунках много истинно французского. Явное ощущение случайности, мимолетности ситуации – черты импрессионистов. Стремительность и изящество линий – в духе Константина Гиса. Сюжеты напоминают девиц в неглиже от Гаварни. Острая карикатурность – Домье. Но, в отличие от едкой сатиричности предшественника, рисунки с юности мучившегося депрессиями Паскина – сочувствующие. Без скептицизма и презрения, без бичевания пороков. С грустным юмором, а не безжалостным фарсовым эффектом.



Эренбург так описывает этого парижского денди: "Встречаясь с Паскиным, иногда серьезным, печальным, даже робким, иногда, в запое, буйным, я понял, что не ошибся при первой встрече: он мне чем-то напоминал Модильяни. Ему бы сидеть с Моди, они друг друга поняли бы".

Тому же Эренбургу Паскин как-то предложил: "Вы мне будете писать о чём хотите, а я вам буду отвечать рисунками. Знаете, почему мы должны с вами сделать книгу? Это будет книга о людях; теперь говорят о чём угодно, а о людях забыли. Только не откладывайте. Потом будет поздно..."

Потом было действительно поздно. Надпись кровью на двери комнаты "Прощай, Люси" и воспоминания Хемингуэя: "Он был больше похож на гуляку с Бродвея девяностых годов, чем на замечательного художника. И позже, когда он повесился, я

любил его вспоминать таким, каким он был в тот вечер в "Куполе". Говорят, что во всех нас скрыты семена того, что мы будем делать, но мне всегда казалось, что у тех, кто умеет шутить в жизни, семена эти прикрыты лучшей почвой и более щедро удобрены".

1. Парижская школа (*Ecole de Paris*) – интернациональный круг художников, артистической богемы Монпарнаса 1910-20-х годов, известными явлениями которого были Моди, Пикассо, Шагал и Сутин.

{yoogallery src=[/images/stories/bestzayatz/person/paskin] width=[100] height=[100]}